

ОГЛАВЛЕНИЕ

Олейникову	8
Действующие лица	10
Вступление. Просто вступление	12
Еще одно вступление. С легким привкусом сивушных масел	13
Глава 1, в которой я признаюсь, что когда-то был маленьким	15
Глава 2, в которой я поминаю школьные годы и скорблю о посрамленной первой любви	20
Глава 3, в которой я пытаюсь изобразить из себя Казанову, но ничего не получается	26
Глава 4, в которой я начинаю приобщаться к искусству, а искусство сильно сопротивляется	34
Глава 5, о Москве, которая за нами	42
Глава 6, в которой я рассказываю о чудесной прогулке своего отца, а также раскаиваюсь в некоторых злодеяниях	52
Глава 7, в которой рассказывается о том, как я был неформально назначен героем Афганистана	60
Глава 8, про то, как я решил стать бизнесменом и потерпел фиаску	67
Глава 9, про то, что спасение угорающих — дело рук самих угорающих	72

Глава 10 , о том, что наша жизнь — игра	81
Глава 11 , в которой рассказывается о том, как хорошо иметь в подружках фортуны	97
Глава 12 , в которой рассказывается, как я чуть не посадил собственного дядю	104
Глава 13 , в которой говорится о том, как иногда трудно утихомирить свою совесть	113
Глава 14 , в которой говорится, как я насильно пошел Родину защищать	120
Глава 15 , как я Чумакова спас, или Жаркий февраль в Сочи	154
Глава 16 , в которой рассказывается о том, как я помогал сельскому хозяйству	168
Глава 17 , в которой я рассказываю о солдатской любви и наконец прощаюсь с армией	190
Глава 18 , в которой рассказывается о простом гении, которых у нас миллионы	199
Глава 19 , в которой я наконец знакомлюсь с будущей женой	203
Глава 20 , в которой говорится об изнанке актерской профессии	216
Глава 21 , про Рому	237
Глава 22 , в которой говорится о пользе пьянства для тех, кто мечтает о быстром летальном исходе	244
Глава 23 , здравствуй, Юрик!	266
Глава 24 , в которой рассказывается, как внук за отца отомстил	275
Глава 25 , временно окончательная	279

**ЖЕНЕ, СЫНУ, ВНУКУ, СЕСТРЕ,
А ТАКЖЕ СВЕТОЙ ПАМЯТИ
МОИХ РОДИТЕЛЕЙ
ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭТА КНИГА**

ОЛЕЙНИКОВУ

Воспоминания твои — это не написанная книга.
Это жизнь, записанная в виде книги.
У каждого такая книга за душой.
Так мы и жили.
Не теми, кем были.
Чтобы кем-то стать.
Перестать быть собой — это главное.
Палачи работали секретарями.
Артисты — инженерами.
Писатели — дворниками.
Евреи — русскими.
Антисоветчики — большевиками.
Главное — не быть самим собой.
От этого мат, водка, ложь и хохот в конце от всего услышанного и слезы от всего увиденного.
И воспоминания в шестьдесят лет, когда наступил первый покой, предвестник второго.
И первое окружение, которое любит тебя, сменившее тех, кого любил ты.
Много мата в авторе.
Нечем ему заменить.
Мы за ценой не постоим.
Отдадим свою жизнь дешевле, чем она досталась нам.
Смешнее читать, чем жить.

Олейникову

Папа и мама смешные, как автор.
Но, видимо, любящие.
Очень смешная жизнь в результате у Ильи Олейникова
из «Городка».
Так мы писали, так и какали, так и трахались.
А потом разбрелись по земному шару.
И всюду чужие.
И не евреи.
И не артисты.
И не интеллигенты.
И не рабочие.
И не коммунисты.
И не мужчины.
Были не теми, кем были, и стали не теми, кем хотели.
И доверять нам нельзя.
А теперь читаем про себя.
Смеемся про себя.
Внуков рассматриваем.
Может, их жизнь выйдет за наши пределы.
Какое может быть предисловие к жизни?
Это послесловие, в котором мы и живем.

Целую,
Михаил Жванецкий

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КЛЯВЕР, инкогнито, он же я.

Илья ОЛЕЙНИКОВ, автор, он же Клявер.

ИРИНА, жена автора.

МАМА, мама автора.

ПАПА, папа автора.

Юрий СТОЯНОВ, ум, честь и совесть автора.

Роман КАЗАКОВ, потенциальный внук Троцкого.

Геннадий ХАЗАНОВ, настырный эрудированный юноша, 19 лет.

Андрей МИРОНОВ, москвич.

Владимир ВИНОКУР, гастролер, часто бывает за рубежом.

Евгений ВЕСНИК, любимый педагог автора, человек широкой натуры.

Иван ПЕРЕВЕРЗЕВ, кинозвезда.

Алексей ДИКИЙ, артист МХАТа, актер-легенда.

Николай ГРИБОВ, артист МХАТа.

Василий ЛАНОВОЙ, седеющий красавец, попавший в неловкое положение.

Действующие лица

Юрий НИКОЛАЕВ, телеведущий, часто хочет есть.

Владимир ЛЕНИН, вождь мирового пролетариата.

Фидель КАСТРО, вождь чернокожих.

Иосиф СТАЛИН, еще один вождь.

Герберт УЭЛЛС, английский писатель.

Максим ГОРЬКИЙ, итальянский писатель.

Аркадий АРКАНОВ, русский писатель.

Валерий САВЕЛЬЕВ, рядовой, симулянт, музыкант.

Капитан ЧУМАКОВ, идиот.

Старший лейтенант ПЕНЬКОВ, законченный идиот.

А также:

президенты, кинорежиссеры, контролеры, генералы, военврачи, космонавты, студенты, ксилофонисты, женщины, евреи, Иван Грозный, Наполеон и многие другие.

Место действия — вся страна и кусочек заграницы.

Время действия — наши дни и чуточку раньше.

ВСТУПЛЕНИЕ

Просто вступление

Дорогой читатель! Только что ты раскрыл мою книгу, за что тебе спасибо. Спасибо тебе за то, что ты ее раскрыл, и за то, что ты ее купил, потому что, если бы ты не купил, ты бы ее не раскрыл, а раз не раскрыл, то и не прочел бы. Тем не менее ты все-таки купил ее и раскрыл, за что тебе большое спасибо. А ведь не купи ты ее, то она бы так и осталась нераскрытой и непрочитанной, и мне было бы неприятно осознавать, что этот экземпляр остался непрочитанным, а значит, некупленным и нераскрытым. Но ты все-таки купил ее и раскрыл. И я знаю это достоверно, потому что, не купи ты ее и не раскрой, ты бы не прочел эти строки. Но не будем останавливаться на достигнутом. Попробуй перевернуть следующую страницу и подсмотреть, что там у этой книги под подолом...

Я вовсе не претендую на достоверность изложенных фактов — слишком много воды утекло с тех пор. Может быть, это было не так, может, совсем не так, а может, не совсем так, но мне почему-то кажется, что именно так все и было.

ЕЩЕ ОДНО ВСТУПЛЕНИЕ

С легким привкусом сивушных масел

Я вдруг начал себя очень неуютно чувствовать. Дурь всякая в голову лезет. Страхи. Дисконфорт.

Так продолжалось целый год.

«Что это?» — думал я.

— Алкогольная зависимость, — лукаво улыбаясь, сказала наша знакомая Галочка, по которой в двенадцать лет шарахнула молния. С того момента она стала видеть все и всех. Как рентген.

— Совершенно верно! Исключительно алкогольная и исключительно зависимость! — подтвердила диагноз с истинной убежденностью ученого другая наша знакомая — Лариса. Несмотря на то что молния в Ларису не попадала, она все-таки умудрилась стать дипломированным врачом.

— Да вы, никак, озверели, бабы? — возмутился я. — Какая, на фиг, зависимость — вы что, забыли, как я пил? Рюмку днем, две-три вечером, триста граммов в гостях и двести граммов по воскресеньям! Много, по-вашему?

— Немного, — вежливо соглашались дамы. — Если бы ты не делал это каждый день в течение тридцати лет. Так что пора завязывать, запойный ты наш.

Я завязал. Полгода я, завидя сверкающие водочные витрины, на корню гасил любые проявления так

отрицательно повлиявшей на меня алкогольной зависимости.

Однако дурь не проходила, и дикие идеи продолжали посещать меня с завидным постоянством. И тогда я сел за письменный стол. Сел с единственной целью — отвлечься. Положил рядом огромную пачку сверкающей бумаги, направил на себя прохладную вентиляторную струю, глубоко затянулся сигаретой, затем энергично приподнял ручку и в этом энергично приподнятом состоянии находился минут сорок, ожидая, пока первая спасительная фраза придет в мою порядком взбаламученную голову.

Время от времени я поглядывал на белоснежные, как новобрачная простыня, листы, мысленно представляя, как они постепенно заполняются Буковками. Видение приятно успокаивало, однако фраза не шла. Я встал, прошелся по комнате, еще покурил — все тщетно. Фраза не приходила. За окном пьяный мужик косил траву.

«Под Толстого косит», — уныло подумал я и снова энергично взялся за авторучку.

Бесполезно.

Почему-то вспомнился Байрон, так мало проживший и так много написавший. Затем перед глазами немым укором величаво проплыл многотомный словарь Брокгауза и Ефрона, но добил меня неожиданно появившийся силуэт Публичной библиотеки, в которой, несмотря на ее гигантский размах, так и не нашлось места для моей книжонки. И вовсе не по причине того, что дирекция обошла ее своим вниманием, а лишь потому, что она так и не была написана.

И вдруг что-то произошло. Как будто щелкнул невидимый тумблер, и я, как на телеэкране, увидел себя. Себя маленького...

ГЛАВА 1

*в которой я признаюсь,
что когда-то был маленьким*

В коридорах детства я передвигаюсь достаточно неуверенно. Точнее, недостаточно уверенно. Ну так, передвигаюсь как-то — ни шатко ни валко. Шлындраю по закоулкам памяти туды-суды... И стоит только всплыть, к примеру, некоему пятну, да не простому, а многообещающему пятну, и я начинаю в него вглядываться, вдруг — бац! — и темнота... Мерзкая, хлипкая темнота. И только круги перед глазами — как будто кто-то неаккуратно приложился к темечку кувалдой.

Вот что я помню явственно, так это безуспешные попытки родителей во что бы то ни стало приобщить меня к искусству.

Мама, например, блистала не столько на подмостках сцены, сколько на подмостках кухни, а папа вообще имел к театру более чем отдаленное отношение. Если все это представить себе достаточно выпукло, то становятся понятными настойчивые попытки родителей приблизить к прекрасному хотя бы меня. Может, в них говорило неосознанное стремление самим блистать во вспышках фотокамер? Может быть.

Так или иначе, усилия они прилагали титанические. С утра до вечера меня кормили записями мелодий из